

ЗАЩИТНИК ОТЕЧЕСТВА

СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ ПРОШЛО УЖЕ ПОЧТИ СТО ЛЕТ, А ДО СИХ ПОР ДЛЯ ЛЮБОГО АДВОКАТА НЕТ ЛУЧШЕЙ ПОХВАЛЫ, ЧЕМ СРАВНЕНИЕ С ПЛЕВАКО.

САМ ЛЕВ ТОЛСТОЙ, КОГДА К НЕМУ ПРИХОДИЛИ ХОДОКИ ЗА ПРАВДОЙ, ГОВОРИЛ: «ИДИТЕ К ПЛЕВАКЕ, ОН ВСЕ МОЖЕТ!»

На его выступления в суде вся Москва ходила, как в театр. И они того стоили. Однажды ему довелось защищать мужичка, обвиненного в убийстве жены. Он начал речь словами: «Господа присяжные заседатели!» Все затихли, ожидая продолжения. «Господа присяжные заседатели!»..... повторил адвокат. Тишина. «Господа присяжные заседатели!» — снова начал он. По залу прошел нервный шорох. После десятого обращения все: судья, присяжные, зрители — дружно завопили: «Позор! Прекратите издеваться!».

- Вот, господа,— удовлетворенно заметил Плевако.— Вы не выдержали и пятнадцати минут. Каково же было этому бедному мужику пятнадцать лет слушать зудение своей сварливой жены? Под общий хохот подсудимый был оправдан.

Друг степей калмык

Федор Никифорович Плевако родился в апреле 1842 года в городке Троицке, затерянном в оренбургских степях. Впоследствии вокруг его происхождения наплели немало небылиц. Например, что его отцом был польский граф, сосланный в Сибирь. На самом деле скромный украинский дворянин Василий Плевак работал на таможне, в зной и стужу разъезжая по степям в поисках контрабандистов. В одной из поездок ему приглянулась черноглазая Катя, служанка местной помещицы. Нравы в том медвежьем углу были простые - за десять рублей Катю продали таможеннику, и он невенчано прожил с ней до самой своей смерти.

По-настоящему Катю звали Ульмесек, и была она, то ли калмычкой, то ли казашкой, отбившейся от семьи во время вражеского набега. Сердобольные русские поселенцы подобрали девочку, и она оказалась в крепостной неволе. Сыновьям Федору и Дормидонту она пела жалобные степные песни, выкраивая деньги на их пропитание из скудного жалованья своего мужа. Брак был гражданским, поэтому детей записали Никифоровыми по имени крестного. Уже потом Федор Никифорович, сунув кому надо взятку, сделался Плевако — «о» было добавлено для благозвучия.

В школе он учился лучше всех. Пока сверстники гоняли по пыльным улицам, Федя, упрямо насунив лоб, корпел над грамматикой. За что и получил направление в Московское коммерческое училище — лучшее в стране. В 1851 году родители увезли сыновей в Москву. Дормидонт вскоре умер, а Федор прижился в Белокаменной и полюбил ее сильнее многих коренных москвичей. Учился он так же блестяще, за что получил коробку конфет от царского племянника — принца Ольденбургского. Это не помешало вскоре выставить его из училища как незаконнорожденного. Никто не знает, сколько кабинетов обошла Катерина, прежде чем ей удалось пристроить сына в гимназию. Федор всю жизнь был благодарен матери, потерявшей здоровье в хлопотах о нем. Когда в суде он заводил речь о матерях своих подзащитных, слеза прошибала всех, даже конвоиров.

После окончания гимназии юноша поступил на юрфак Московского университета. Жизнь неимущего студента была голодной и холодной. Грелся он в церквях во время службы, а подкармливался в пивной Пастухова, которому за это помогал писать бесконечный роман про разбойника Чуркина. Когда Пастухов стал издателем популярной газеты «Московский листок», Плевако писал для него фельетоны и так набил руку, что всерьез подумывал после университета податься в журналисты. Но его ждала другая судьба. Выпускные экзамены совпали с судебной реформой, которая ввела в России независимую адвокатуру. Продажных стряпчих, которых в народе называли «крапивным семенем», сменили присяжные поверенные. Одним из них в 1866

году и стал 22-летний Федор Плевако. Свой первый процесс по делу растратчика Маруева он проиграл вчистую. Но красноречивого защитника заметили, и началось его восхождение к вершинам карьеры. Правда, в 1872 году оно едва не оборвалось по политическим причинам. Московский жандармский начальник доложил начальству о существовании тайного общества, цель которого — «знакомить молодых юристов с революционными идеями». Во главе его якобы стоял присяжный поверенный Плевако, хранивший у себя подрывную литературу. Одной беседы со смутьяном оказалось достаточно — с тех пор Федор Никифорович очень долго не лез в политику и очень редко защищал обвиняемых по политическим делам. Процесс пошел.

Сорок лет провел Плевако в московской адвокатуре, выиграв за это время большинство процессов. Уже первые из них показали, что «переговорить» молодого юриста практически невозможно. Он никогда не писал речей заранее, полагаясь только на свое ораторское искусство. «Когда он вставал перед присяжными, — вспоминала стенографистка судебных процессов, — лицо его покрывалось бледностью, черные глаза становились не только одухотворенными, но и красивыми, по залу суда лилась изящная, полная остроумия импровизация на любую тему». Маленький, раскосый, редкобородый Плевако на трибуне чудесным образом преображался. После, выходя из зала, присяжные часто не могли понять, почему они оправдали подсудимого. Некоторые всерьез утверждали, что мать, калмыцкая шаманка, обучила сына-адвоката методам гипноза...

Но причина успехов Плевако заключалась в другом. Он взывал к простым человеческим чувствам присяжных и судей, убеждая их: закон законом, но человеческая жизнь важнее. Однажды он поспорил с Саввой Морозовым, что ровно за минуту добьется оправдания старого священника, уличенного в воровстве церковных средств. Так и случилось. Взойдя на трибуну, Плевако поглядел на часы и начал: «Господа присяжные заседатели! Более двадцати лет мой подзащитный отпускал вам грехи ваши. Отпустите и ему один грех хотя бы раз!» Священник был оправдан.

Когда такая тактика не срабатывала, адвокат пускался в расспросы свидетелей, остроумно ловя их на противоречиях. Как-то раз ему довелось защищать крестьянина, которого проститутка обвинила в изнасиловании, чтобы взыскать с него солидную сумму. Мужика уже готовы были засудить, когда слово взял Плевако: «Господа присяжные, если вы присудите моего подзащитного к штрафу, то прошу из этой суммы вычесть стоимость стирки простынь, которые истица запачкала своими туфлями». Возмущенная девица вскочила: «Врет он! Нешто я свинья постели пачкать? Туфли я сняла!» Естественно, мужика оправдали. Самой эффектной речью Плевако стала защита безвестной старушки, укравшей старый чайник. Обвинитель в своем выступлении напирал на то, что чайник, конечно, ерунда, но право частной собственности священно, без него страна погибнет. После него слово взял Федор Никифорович. «Много испытаний пришлось претерпеть России, — начал он. — Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь... Старушка украла чайник ценою в тридцать копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно». Новое оправдание, новое прибавление славы Плевако. Некоторые утверждали, что мать-калмычка обучила его шаманству.

Несколько раз ему доводилось быть и обвинителем. Самым громким был процесс игуменьи Митрофании, в миру баронессы фон Розен, которая путем разнообразных афер облегчила казну на 600 тысяч рублей. «Вместо храма — биржа, — патетически восклицал Плевако, — вместо молящегося люда — аферисты, вместо подвигов добра — приготовления к ложным показаниям.. Выше, выше стройте стены монастырей, чтобы миру не было видно дел, которые вы творите под покровом рясы и обители!» В итоге игуменью-баронессу сослали в Сибирь.

Настрадавшись из-за своего «неблагородного» происхождения, адвокат был особенно строг к подсудимым дворянского сословия. Сострадание он берег для людей попроще, например, участников знаменитой Морозовской стачки, которых он в своей речи назвал «белыми невольниками». С бедняков он нередко не брал ни копейки за свои труды. Зато отыгрывался на богатых купцах, заставляя их выкладывать за спасение от тюрьмы не одну тысячу, притом авансом. Одного толстосума, который притворился, что не знает слова «аванс», Федор Никифорович строго спросил: «А что такое задаток, знаешь?» «Ну так! — ухмыльнулся купчина. — К этому мы с детства привычные». «Так вот, аванс — тот же задаток, только втрое больше».

На вырученные деньги бывший бедный студент зажил на широкую ногу. Он катался на рысаках, украшенных лисьими хвостами, пробовал издавать газету "Жизнь» (но быстро прогорел), жертвовал громадные суммы калекам и сиротам. Когда накатывала тоска, по-купчески фрахтовал целый пароход и отправлялся в плавание по Волге с толпой знакомых и незнакомых людей. В его некрологе написали: «Он бросал тысячи цыганам и, чтобы отвести душу в беседе с милым и скромным другом, еженедельно ездил в Тамбов... да и мало ли еще проявлений этой порывистой натуры?»

Натура Плевако проявлялась и в его личной жизни. В 33 года он женился на скромной учительнице Елизавете Филипповой. Родился сын Сергей. А четыре года спустя к нему на прием пришла жена богатого фабриканта Мария Демидова, влюбилась с первого взгляда и вскоре вернулась в адвокатский особняк на правах хозяйки. Родившегося у них сына тоже назвали Сергеем. Позже оба Сергея Федоровича Плевако стали адвокатами и одновременно работали в Москве. Эта путаница мешала обоим, но ни один не желал менять фамилию, считая именно себя «настоящим Плевако».

Охота на Мамонтова

Федор Никифорович был заядлым театралом. С особым удовольствием он посещал Частную русскую оперу Саввы Мамонтова, дружил с ее хозяином. И, конечно, именно его пригласили защищать Савву Ивановича, когда того арестовали по обвинению в грандиозной растрате. В своей речи Плевако упирал на то, что подсудимый заботился о процветании России, желая «Оживить» ее северные края, проложив там железную дорогу. Кто же виноват в том, что нечестные подрядчики надули его, а заодно и государство? Он доказал, что причина травли Мамонтова — в яркости его фигуры, которая пугала царских чиновников. С привычным сарказмом защитник перечислил признаки «безумной роскоши», найденные у обвиняемого при обыске: 50 рублей, просроченный железнодорожный билет и мятая купюра в сто немецких марок. Закончил он так же эффектно: Если верить духу времени, то — горе побежденным! Но пусть это мерзкое выражение повторяют язычники, а мы скажем: пощада несчастным!»

Суд оправдал Мамонтова и его родных. После этого многие записали Плевако в революционеры, но он не изменил своих привычек — прилежно ходил в церковь и дружил с реакционнейшим обер-прокурором Синода Победоносцевым. При этом именно он, по слухам, написал на своего друга злую эпиграмму:

Победоносцев он в Синоде, Победоносцев при дворе,
Бедоносцев он в народе И Доносцев он везде.

Он за пять минут мог сочинить экспромт в стихах или прозе

Литературный талант был присущ Федору Никифоровичу не меньше, чем ораторский. В компании он за пять минут мог сочинить экспромт в стихах или прозе. Был заядлым спорщиком, а, подвыпив, принимался развлекать общество шутками и даже акробатическими номерами. Позже Салтыков-Щедрин не без ехидства вспоминал: «Я встретился с ним у Пыпина и говорю: «Правда, что вы можете поставить на голову стакан с квасом и плясать?» А он вытаращил на меня свои глазища и отвечает: «Могу!» Щедрин не любил Плевако, как все адвокатское сословие. Зато знаменитого адвоката одарили своей дружбой Тургенев и Толстой, Шаляпин и Ермолова. Однажды на вокзале он встретил недоучившегося юриста и взял его себе в помощники. Позже в шутку рекомендовал его своим гостям: "Вот помощник. Ни одного дела не выиграл, зато поет соловьем. Если не исправится, придется отослать его в оперу. Молодого человека звали Леонид Собинов.

На старости лет Плевако подался-таки в политику. Во время революции 1905 года он хотел записаться в партию кадетов, но те его отвергли: все-таки друг Победоносцева. Он пошел октябристам и был избран в Государственную думу. Парламентские иллюзии быстро развеялись, а волнения тех лет подорвали здоровье Плевако и ускорили его смерть. Великий адвокат скончался 23 декабря 1908 года. Некролог в одной из газет начинался словами: «В Москве было три достопримечательности: Царь-пушка, Царь-колокол и Федор Никифорович Плевако. Вчера наш город лишился одной из них». Когда большевики рушили кладбище старинного Скорбященского монастыря, родственникам Плевако позволили перенести его останки на Ваганьково. Там они покоятся и сейчас.

* * * * *

* *

МЕЖА. ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ . ЗАПИСКИ СОВЕТСКОГО АДВОКАТА

Село №, в котором разыгралась трагедия во время ссоры соседей из-за огородной межи, раскинулось на высоком берегу реки Случь. Старые беленые домики крестьян под почерневшими соломенными крышами стояли на вершине холма и образовали единственную улицу. Хаты, которым не хватило места на улице, были разбросаны на склонах, ближе к реке. Живописное, но грустное село. До того, как Хрущев велел сократить приусадебные участки до пятнадцати соток, огороды кормили селян. Труд в колхозе в те послевоенные годы едва оплачивался. Колхозникам выдавали по пятьсот граммов зерна на трудодень. Трудовой день на поле или на ферме был тяжким и долгим. Хлеба едва хватало до конца зимы, после которой людей ждала полуголодная весна, пока не созревали на огороде овощи и молодой картофель. Жена моего клиента говорила, что они не позволяли себе есть молодой картофель - не выгодно. Мужики были озлоблены и конфликты возникали по любому поводу. В начале такой тревожной весны разразилась беда, потрясшая село. Об этом наш рассказ.

До образования колхоза село было зажиточным. Небольшие наделы жирного чернозема и трудолюбие крестьян давали обильные урожаи добротной пшеницы, которая высоко ценилась в Европе. С коллективизацией село обнищало. В тридцать втором году пришел в село голод, от которого долго не могли оправиться. Страх голода преследовал людей.

Горе, к которому я оказался причастным, постигшее две семьи и потрясшее всех жителей села, произошло весной. Во время ссоры и драки Степан Гончар, которого мне предстояло защищать в областном суде, убил своего соседа Мыколу Сорока. /Фамилии изменены/. Были они мужики спокойные, в меру выпивавшие, соседи дружелюбные. Оба благополучно вернулись с войны. Степан Гончар с легким ранением и боевой медалью. Оба мечтали наладить мирную жизнь. Но жизнь не налаживалась. Надежда получить работу ездовых не сбылась. Другой профессии у них не было и они перебивались на случайных тяжелых работах. Работа ездового, о которой мечталось, помогала кормить корову, запастись соломой для отопления и для подстилки корове, привозить сахарную свеклу для самогона. Ездовые имели много других нелегальных возможностей. По этим правилам жило село. У каждого соседа были семьи, дети. Жены работали на свекловичных плантациях. Все работы выполнялись женщинами вручную. Нормы большие, оплата мизерная. Так жили эти люди еще долго после военной победы. Земля приусадебного огорода была едва ли не главным кормильцем бедных семей.

В то роковое утро Степан Гончар вышел с лопатой на огород вскопать первую грядку на подсохшей возвышенности. Его сосед уже был на своем огороде и успел вспахать изрядный кусок. Степан удивился раннему почину соседа. Едва они пожелали друг другу доброго утра, как Степан обнаружил, что Микола нарушил межу и вклинился в его огород почти на два метра в ширину и метров пять в длину. То место, которое Микола самоуправно присоединил к своему огороду, с давних лет имело изгиб в сторону огорода соседа. Когда-то Микола уже сделал попытку выровнять межу за счет соседа. Тогда конфликт мирно уладили жены. В этот раз ссора между соседями сопровождалась болезненными оскорблениями, которые приняли угрожающий характер после того, как Микола Сорока отказался восстановить прежнюю межу.

Злобные оскорбления переросли в драку, побои были взаимные. Степан утверждал, что драку начал Микола. Свидетелей драки не было. По показаниям обвиняемого потерпевший первым замахнулся на него лопатой, а он поднял свою лопату для защиты. Именно в тот момент Микола сделал рывок в сторону соседа с поднятой лопатой. Степан ударил штыком лопаты по рукоятке лопаты Миколы, штык скользнул вниз по рукоятке и острое угодило в висок Сороки. Микола рухнул на землю. На рукоятке лопаты Сороки впоследствии был обнаружен след удара, (но следователь проигнорировал это обстоятельство и не дал ему должной оценки). На крики и Степана прибежали два односельчанина, проезжавшие мимо. Микола тяжело стонал. Один из мужиков привез сельскую медсестру, у которой не было при себе перевязочных средств. Она распорядилась доставить потерпевшего в сельский медпункт. Микола Сорока скончался по дороге в районную больницу.

В тот же день Степана Гончара арестовали. Следствие было не долгим, вина Гончара для следователя казалась очевидной и бесспорной. Ему было предъявлено обвинение в умышленном убийстве Миколы Сороки. Мотивом убийства следствие считало месть, вызванную конфликтом из-за межи. Вину Гончара обвинение полагало доказанной фактом причинения смерти, вызванной умышленным ударом лопатой по голове и признанием своей вины обвиняемым.

Уже первое знакомство с материалами дела выявило явные ошибки следствия и существенные противоречия, которые не были устранены. Утверждение обвиняемого о том, что потерпевший затеял драку первым, поднял лопату, а он оборонялся, осталось не опровергнутым. Обвиняемый не был освидетельствован врачом, следы и характер побоев не исследованы. По заключению судебно-медицинской экспертизы смерть Сороки наступила в результате черепно-мозговой травмы, не совместимой с жизнью. В заключении патологоанатома отмечалась большая кровопотеря. Это родило предположение, что смерть потерпевшего могла наступить в результате кровопотери, которая вовремя не была остановлена. Следовательно, смерть могла наступить в результате несвоевременной медицинской помощи. Этим обстоятельством я мотивировал ходатайство о допросе патологоанатома и назначение новой судебно-медицинской экспертизы с участием нейрохирурга и гематолога. Все инстанции мне в этом требовании отказали. Выводы следствия о признании обвиняемым своей вины в совершении умышленного убийства были основаны на признании им факта повреждения головы Сороки. Показания Гончара свидетельствовали о том, что у него отсутствовал умысел на убийство соседа, что он этого не хотел, что он оборонялся. Признание факта смерти одного из участников драки нельзя рассматривать как признание умысла на причинение смерти другому участнику драки. Применяя в драке лопату, можно было предвидеть возможность наступления тяжелых последствий, однако это не означает, что он желал убить. И это относится к обоим участникам драки. Подобные действия имеют другую юридическую квалификацию.

Несмотря на упущения, ошибки, односторонние оценки и явную необъективность следствия, прогноз об исходе дела, о возможном наказании мне казался самым мрачным. Причина прогноза заключалась в том, что трагедия произошла вскоре после введения смертной казни за умышленное убийство. После того, как председатель областного суда задолго до начала процесса, как бы ненароком, сказал мне, что дело Гончара первое в Украине после введения смертной казни за убийство, мое предчувствие стало наваждением. Я отчетливо себе представлял жестокость системы и ее карательной машины, которой мне предстоит противостоять в деле Гончара. Адвокатуру система была вынуждена терпеть, но люту ненавидела. Институт судебной защиты был единственной легальной оппозицией диктатуре. Я понял намек судьи, как совет вести себя скромно и не вызывать огонь на себя. Но «дружеский» совет вызвал еще большее желание дать бой.

Стоит напомнить, что в 1947 году, после подписания Декларации о правах человека, Сталин был вынужден ввести мораторий на смертную казнь. Но разве вампир в состоянии существовать без кровавых жертв? Декларация о правах была ненавистна величайшему в истории убийце, казнившему миллионы своих сограждан без вины.

В 1950 г. смертная казнь была восстановлена. В 1953 году диктатор умер, но система жила, и никто не почувствовал облегчения. Приемники вождя и учителя, его верные ученики, уже в 1954 году ввели смертную казнь за умышленное убийство. Тут и подоспело дело Степана Гончара. В дело расширения смертной казни внес свою лепту и Никита Хрущев, при котором стали казнить и за экономические преступления. Этой категории дел была придана обратная сила - позорный случай в мировой практике - известное дело валютчиков Файбишенко и Рокотова.

О том, что судьба Гончара была предрешена, стало совершенно очевидно, когда я узнал, что дело будет слушаться в большом зале районного дома культуры, что существует негласное указание доставить в суд жителей злополучного села, что процесс, таким образом, делают показательным, что председательствовать будет главный судья области, а обвинение будет поддерживать областной прокурор. Между ними приговор согласован и никакого сбоя они не потерпят. Для меня это было первое дело такого рода, и его психологическая тяжесть была невероятной. С этим грузом я занял свое место за адвокатским столиком в начале судебного заседания. Когда в зале суда прозвучали злобные крики в адрес обвиняемого, я понял, что у меня есть еще один противник, неприязнь которого распространяется не только на обвиняемого, но и на его защитника. Тогда я узнал, что чужое горе может принести горькое удовольствие. Это возбуждает толпу. Как укротить зал? К этому я был не готов. Я тщательно готовил юридические аргументы, которые для односельчан, сочувствовавших горю большой родни Сороки, значения не имели. Я мучительно думал, как преодолеть накаленную атмосферу зала. Волнение не могло способствовать поиску средств нейтрализовать слушателей, заронить в их предубежденное сознание хотя бы сомнение в том, что Степан хотел смерти Миколы. Не пошатнув их сопротивление, я не смогу построить защиту.

В начале следствия был допрошен участковый уполномоченный милиции, который рассказал о неблагоприятных поступках потерпевшего. Однажды он, в пьяном состоянии, дебоширил в сельском клубе, в другой раз сорвал показ кинофильма, за что был привлечен к административной ответственности. Для обвинения участковый оказался неудобным свидетелем, и он не был включен в список свидетелей, подлежащих вызову в суд. Я решил допросить участкового. Когда я ощутил антипатию приглашенных зрителей, я не только отказался от этой идеи, но, напротив, всячески подчеркивал достоинства покойного и несколько раз назвал его ветераном войны. Я почувствовал, что публика несколько оттаяла и тогда я спросил одного свидетеля, известно ли ему, что подсудимый так же является участником войны, был ранен и удостоен боевых наград. Председатель суда посмотрел на меня с одобрением, у прокурора было кислое выражение. В тот миг я еще раз понял, что и судья не свободен в принятии независимого решения. Я даже наивно полагал, что суду нужно услышать объективную оценку события, а не ту, которую поддерживало обвинение. На какой-то миг у меня родилась надежда, я несколько освободился от волнения и сосредоточился на анализе ошибок следствия и на доказательствах, опровергающих утверждение обвинения в умысле обвиняемого убить соседа. Мне стало легко оперировать аргументами.

Еще после неоднократного ознакомления с материалами дела я бесконечное количество раз прокручивал в своем воображении сцену ссоры и драки и не находил того момента, в котором проявилось бы желание Степана убить Сороку. В суде я окончательно поверил, что он этого не хотел. Я несколько раз цитировал первые, как правило, не надуманные и потому самые правдивые показания Гончара:

- Карайте мене, я жити не хочу, я жити не сможу, але я не хотів вбивати Миколу. Як це трапилось я не знаю».

Я не мог себе представить, что такое намерение было у кого-либо из участников драки. В защитительной речи я утверждал, что Степан Гончар должен нести ответственность за случившееся, но не за то, чего он не хотел, к чему он не стремился, что в той глупой взаимной драке потерпевшим мог оказаться каждый. Этому выводу предшествовал анализ доказательств и критика неубедительных, противоречивых утверждений прокурора. Сама смерть Микола Сороки еще не означает, что его хотели убить. Обвинение ничего не противопоставило показаниям обвиняемого, ничем их не опровергло. В прениях сторон я обратился к прокурору:

- Назовите, продемонстрируйте нам то бесспорное доказательство, которое свидетельствовало бы, что Гончар хотел смерти Сороки, что он убил его сознательно, умышлено и тогда я, вместе с детьми Степана Гончара, с его женой и старой матерью, вместе с ветеранами войны, которые проливали кровь за Родину, к которым принадлежу и я, буду просить о сохранении ему жизни. В его жизни есть много достоинств, дающих ему надежду на снисхождение.

Припоминаю нелегкие раздумья о том, как построить защитительную речь. Долго не мог найти вариант вступления, который мог бы раскрыть глубокие корни трагедии. Я хотел не только привлечь внимание суда логикой своих аргументов, но и достучаться к очерствевшим сердцам односельчан Степана. До самого начала прений сторон я мучительно и тщетно искал тему. Меня выручил прокурор. В последующей адвокатской практике и, вероятно, не только моей, это случалось нередко. В ходе процесса прокурор, формально обращаясь к подсудимому, но имея в виду аудиторию, так прокомментировал его показания:

- Вы говорите об огороде, как неисправимый собственник, который не гнушается ничем. Вы забыли, что земля не ваша, а государственная.

По тишине зала пронесся тревожный ветерок. Некоторые зрители многозначительно переглянулись. Я понял, что нужно сказать этим людям и решил напомнить, что есть иное суждение о земле, что я разделяю их тревогу. Я хотел сказать, что родная земля полита и удобрена потом и кровью их предков, что их земля и они сами нерасторжимое целое, что земля это их жизнь. Ее лелеяли, пестовали много поколений, удобряли, украшали, о ней заботились и она благодарно платила благополучием, радостью, жизнью. Но я этого не сказал. Почему? Я до сих пор не нахожу исчерпывающего ответа. Тогда я не хотел уйти от главного аргумента, а может быть, подсознательно чего-то опасался. Разве я мог тогда сказать, что плуги, которые перепахали межи между их наделами, прошлись по их сердцам? И все же я начал с того, что Земля приносила тревогу и покой, ее все предки любили, как родное дитя, что Земля это родина, которую защищали и за которую отдавали жизнь не одно поколение. Но это происходило, когда на нее покушались враги родины. Степан Гончар и Микола Сорока не были врагами, они были добрыми соседями, как и их отцы и деды. У них была одна родина, которую они еще недавно защищали, не щадя жизни. Не было вражды между ними и обвинение в мести надумано и нелепо. Этот тезис я потом развивал в главной части речи. По гулкой тишине зала можно было думать, что люди согласны со мной, но суд не согласился.

Поколебать суд, которому истина чужда, невозможно. Судьба Степана Гончара решалась не по цивилизованным законам, а по правилам системы, которая считала целесообразность выше закона. Стоит ли говорить, что и целесообразность они преступно извращали. Степана Гончара приговорили к высшей мере наказания.

Степан решил сам привести приговор в исполнение. Когда его выводили по длинному и узкому коридору районного дома культуры, он сделал резкий прыжок и с большой силой ударился головой о какой-то выступ в стене, рассек лоб и рухнул на пол. Он действительно не хотел жить, но он выжил и продлил свои страдания.

После судебного процесса хотя и с предсказуемым, но подавившим меня приговором, первым смертным приговором в моей практике, мне впервые предстояло свидание в тюрьме с осужденным к расстрелу. Предстояло ознакомить Степана с кассационной жалобой. Свидание с подзащитными в тюрьме дело обычное, но не привычное. Всякий раз угнетала тюремная обстановка. Человеческое достоинство подавлялось всем тюремным окружением - грязно-зеленый и бурый цвет стен, спертый воздух, запахи керосина, кислой еды, пота, грубость тюремного персонала. Конвоиры выглядели людьми из иного, чуждого мира. Удивительная метаморфоза - за пределами тюрьмы, вне службы они выглядели людьми обыкновенными. Я их встречал на свободе.

Мне впервые предстояло свидание в камере смертников. Я не мог унять внутреннюю дрожь. Мне казалось, что после фронтового опыта, когда я видел сотни убитых, умирающих в страшных муках, я был подготовлен к свиданию в камере смертников. Я ошибался. Однажды зимой на фронте я длительное время переживал обстрел противника в воронке. Воронка была неглубокой. Для большей безопасности мы обложили свое укрытие окоченевшими трупами и вскоре с аппетитом грызли мерзлые сухари. Тот опыт не сработал. Свидание с приговоренным к смерти, не идет ни в какое сравнение со свиданием со смертью на поле боя и даже в госпитале. На переживания, вероятно, влияло мое ощущение причастности к предстоящей казни человека, которого я должен был от смерти защитить, а может быть и чувство вины, что не мог отстоять его жизнь.

Все смерти войны не подготовили меня к свиданию со смертью в советской тюрьме. Я ждал увидеть жалкого, раздавленного человека, в котором надеялся жалобой в Верховный суд пробудить надежду, но увидел живой труп. Печать смерти застыла на его лице. Глаза Степана казались незрячими. У заключенных в тюрьме возникает болезненный зеленоватый цвет лица, у Степана лицо было восковое, грязно-желтого цвета. Я прочел жалобу, что-то даже комментировал, но не был уверен, что он меня понял и слышал. Старшина, который меня сопровождал и присутствовал в камере, пока я там находился, человек, который много лет наблюдал смертников, сказал мне в коридоре:

- Мабуть він до суду не дотягне.

Степан дождался суда, который не изменил приговор и я должен был принести ему эту весть, вторично навесил Степана, чтобы подписать ходатайство о помиловании. На этот раз Степан был более оживлен. Вероятно, и к мысли о расстреле можно привыкнуть. Когда за мной закрылась тяжелая дверь камеры, я хотел спросить Степана о его самочувствии, но вовремя перестроился и спросил о здоровье. Он не ответил. Я начал читать просьбу о помиловании. Степан меня прервал:

- Навіщо? Мені це не pomoже. Меня це не потрібно. Хіба я зможу вернуться до села?

Я ответил не для утешения, в тот момент действительно верил в помилование:

- Все буде горазд.

Степан не слышал меня, вероятно, думал о своем и неожиданно сказал:

- Як це могло трапитись?

Он несколько раз повторил вопрос, явно обращенный не ко мне. Я его спросил, о чем он. Степан сказал:

- Я не можу зрозуміти, як це трапилось, що я пішов копати город, бо того ранку я мав їхати до міста. Яка нечиста сила мене птовхнула? Мабудь мене покликкала до себе земля...- после долгой паузы продолжил,- и чому я не загинув на війні. Я сподіваюсь, що господь мене простить.

После этой исповеди он еще больше удивил меня рассказом о своем сне. Ему снилась земля. Не та, в которую, как он сказал, его выбросят после расстрела. Ему снился семейный надел за красивой рощей, он дважды повторил: «дуже гарний гай». Отцовская земля ему снилась красивой, в раннюю осеннюю пору, после озимой пахоты, когда она блестит и дышит, как живая. Рассказ Степана в камере, которая издавала запах смерти, привел меня в смятение. Этот рассказ больше, чем все предыдущие общения и все материалы уголовного дела, убедили меня в том, что Степан не убийца. В иных условиях Степан был бы благополучным хозяином. Убедить в этом можно было суд совести, суд присяжных в свободной стране, но не в государстве, где судья часто выступал исполнителем злой воли. После той последней встречи со Степаном Гончаром мне часто снился вспаханный чернозем с крупными каплями крови на глянцевой поверхности земли, капли напоминали залитые кровью человеческие глаза, у которых зрачки кипели и пучились. Это видение, словно в фильме, размывалось и возникал зыбкий, колеблющийся, размытый контур улыбающегося лица Степана. Наяву я его улыбающимся не видел и я толковал сон, будто Степан Гончар спокойно принял свои последние часы.

Исаак Вайншельбойм.

* * * * *

Отказ от иска по моральным соображениям, или «Вася! Не надо!»

Середина 80-х годов прошлого столетия. Раздельнянский районный народный суд Одесской области.

Председательствующий по делу – Кармазин Илья Трифионович (он же председатель райнарсуда).

Народные заседатели – две женщины из сопредельных сел (по социальному положению служащие. Фельдшер и бухгалтер.

Дело о разделе наследственного имущества (домостроение в одном из дальних сел района).

Стороны:

Истец – мужчина лет сорока, со слегка испитым лицом.

Фактический истец – жена истца. Как говорят в селах (а теперь и в городах), «толстая морда», - тетка с хищным взглядом глубоко посаженных глаз. По обличию типичная «люмпенша». Прости ты ее, Господи.

Ответчик – уже немолодая женщина с профессионально красными и скрюченными кистями рук (артрит) доярки.

Существо спора.

Жила семья. Муж жена и двое детей. У дочки (ответчицы) семейная жизнь не сложилась и она со своими детьми проживала вместе с родителями, досматривая их.

Брат же подался в город, там и остался работать и женился. Отпрысков своих брат направил в поселок к родителям на лето (оздоровиться за счет родителей и сестры).

Иногда, с целью выпить и закусить, а также взять картошки, брат приезжал в село со своей женой.

Старики – родители умерли в одночасье. И тогда жена брата вспомнила про «батьківщину» и предъявила иск о разделе наследственного дома в натуре.

Суд выехал в село. Так называемая выездная сессия. «Шоб усе видели и слушали».

Народу в здании клуба – не продохнуть. Это село. Подобные споры в то время были редки. Совесть была у людей. Наверное потому, что все были малоимущими. За свою адвокатскую практику убедился, что бедный рассчитается с адвокатом быстрее, нежели чем богатый.

Истец без особого энтузиазма подтверждает свои исковые требования под одобрительные взгляды своей жены.

Зал неодобрительно гудит.

Ответчица иск признает частично. Согласна выплатить денежную компенсацию согласно акту оценки, составленного депутатом сельсовета. Так, что спора фактически нет.

Но председательствующий продолжает допрос ответчицы.

На первый взгляд спрашиваемое, вроде бы, не имеет отношения к разделу наследственности.

Да, растит двух детей. Слава тебе, Господи, уже взрослые. Сын в армии, а дочь проживает вместе с ней. Осенью свадьба. Зять будущий также тракторист, как и ее покойный супруг, погибший в армии.

Да, осталась жить с родителями. Отец сильно болел и надо было помогать матери, ухаживать за отцом и растить брата. Да, работала дояркой и «света Божьего не видела».

А брат человек хороший. Она с ним со временем рассчитается. Понимает, что у брата семья и им приходится трудно. И вообще, кому сейчас не трудно. А здесь еще у него жена уже лет десять болеет.

Из зала слышатся реплики: «бог смерти не дает» и «на ней пахать надо».

Доброе село и добрые в нем живут люди.

Председательствующий с трудом наводит порядок в зале.

Действует он словом, и ему помогает планшеткой участковый. Последний более действенно.

Кроме того, судья тот уедет, а участковый останется со всеми негативными для виноватого последствиями. Так, что с участковым лучше не заводиться. Себе же дороже.

Заслушав стороны, председательствующий вопреки нормам ГПК, спрашивает у присутствующих: «Кто - то хочет еще что-то сказать?»

Над залом взмывается лес рук, как на отчетно–выборном колхозном собрании.

Община она и есть община.

С ней и Столыпин ничего поделать не мог. Или, может, не успел. Не дали. Зал возмущенно гудит.

Истец и его супруга встревожено озираются по сторонам.

Понятное дело. За такой иск могут и морду набить. Село оно может быть и глупое, но справедливое.

К передней скамье, на которой сидят стороны проталкивается опрятно одетая старушка «Учителька», учившая несколько поколений сельчан.

Истец и ответчица встают, затем встает и жена истца.

- Что, Вы, хотите сказать, свидетель? - спрашивает председательствующий у «учительки».

- Я спросить хочу. - отвечает она, и продолжает, обращаясь к истцу: «Вася! Она же тебя в школу водила. Ты помнишь, как она за тобой ухаживала, когда ты болел, а родители были на работе?!»

Вася, упершись глазами в пол, как не выучивший урок двоечник, тихо говорит: «Помню.»

- Тебе не стыдно, Вася! - продолжает «учителька».

-Стыдно. – отвечает истец.

Жена – люмпенша со злобой шарпает его за рукав.

Но истец уже приял решение и заявляет суду: «Ничего мне не надо».

Председательствующий спрашивает у истца причину отказа от иска.

- По совести. – отвечает истец.

«Запишите в протокол, что истец отказался от иска по моральным основаниям» - дает указание судья секретарю суда.

Жена истца в юридическом экстазе дергает супруга и обзывает его всяческими «непотребными» словами.

Истец выводит ее из зала, и из – за закрытой двери раздается непонятный стук.

Но поскольку затем хорошо слышен вопль, - «Вася, не надо!», - то происхождение звуков становится понятным.

Зал одобрительно гудит. К выходу из зала нехотя бежит участковый и двое дружинников. Поздно, батюшка, в партию вступить.

«Учителька», тем временем поясняет судье, что Василий всегда был хорошим ребенком.

«Да, оно слышно», - соглашается с ней председательствующий.

Отобедав, состав суда возвращается в Раздельную по единственной улице села (она же автотрасса).

По дороге автомобиль обгоняет идущих вместе по обочине «чапая» по грязи истца и ответчицу, а также несколько отставшую жену истца, прижимающую платок к глазу.

Василий, наверное, действительно был хорошим ребенком.

Вот она, судебная справедливость. Кто в ней сомневается? Дело решено по закону и по совести, стороны остались при своих интересах, а супруга истца в качестве компенсации за «батьківщину» имеет «бланш» под глазом.

Воистину, «Бог, шельму метит».

Адвокат

Корнеев М.А.

Таинственное исчезновение ковра – самолета с балкона улицы Гефта в г.Одессе

(невымышленная история о событиях 1975 года)

Не простой был ковер. Персидский. Завезенный в Одессу, как я полагаю, в позапрошлом веке. Так, что история. Многочисленные юные отпрыски семей Рабиновичей, Ивановых, Мунтянов, Прокопенко и прочих, поколениями ползали по этому ковра, шкодя на последний, за отсутствием памперсов в те времена.

Тем же занимались и фамильные коты, которых за хвосты таскали вышеозначенные юные отпрыски, совсем как сейчас налоговики, - бизнесменов (так последним и надо, - будут с адвокатами рассчитывать).

Изливающиеся на ковер эмоции не улучшали его качество, хотя придавали ему новый запах.

К 1944 году, ковер стал совсем никудышным, и это подтверждается тем обстоятельством, что бегущие из Одессы румыны оставили ковер освободителям.

Старые одесситы помнят, что если румыны не позарились на вещь, то она совсем никудышная. А оккупанты понимали толк в товароведческом деле.

После освобождения ковер служил еще тридцать лет. А это срок! Но в 1975 году с ковром случилась беда.

Его тогдашние хозяева решили проветрить его и повесили на балконе 2-го этажа, выходящего на улицу.

Радости обитателей сопредельных домов, а также редких прохожих не было предела. Вначале народ думал, что рвануло где-то на химических арсеналах. По резкости запаха у народа потекли слезы из глаз, а в квартирах напрочь пропала моль.

А утром ковра не стало. Как и не было.

Поскольку ковер в понятии его последних хозяев представлял фамильную и историческую ценность, то в Приморском РОВД (по ул. Свердлова, 101), появилась соответствующая слезница, т.е. заявление с требованием «найти и наказать».

Как будто в РОВД не было иных дел, например, попить водочки.

По территориальности дело поручили оперу, на зоне которого и пропал ковер.

Этот опер был большим правовым аферистом, и очень умным человеком.

В свое время на его зоне располагалось Кубинское консульство (там сейчас находится консульство России).

Так какая-то подлюка скovyрнула со стены консульства и сперла государственный герб республики Куба.

Дело политическое, но КГБ от него откrestился сразу. Понятное дело – «глухарь». Перекинули на милицейских. Ума–то, - нет. Это не «шпионов» ловить. Но «скумекали» что найти этот герб невозможно. Но опер был прохиндеем.

Вместо того, чтобы заниматься розыском герба, опер предложил заказать новый. Но начальник был умнее в два раза, он заказал сразу два – один про запас.

А первый повесили на стене консульства, и взяли у консула расписку, что герб объявился чудным образом и претензий по гербу нет. А на нет и дела нет. Вынесли отказ в возбуждении уголовного дела. Умные люди работали в этом РОВД. Но до Беляевских оперов им было далеко.

Где-то в тех же 70-х годах, в одном из сел Беляевского района пропало с десятков кур. Понятное дело, сперли и сожрали. Но участковый умудрился вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела «по факту пропажи кур».

В установочной части постановления участковый, в обоснование отказа, указал (текст воспроизводится по памяти):

«Достоверно установлено, что зиму 1974/1975 г. принадлежащие заявителю куры и утки провели вместе, содержась в одном из подсобных помещений домостроения №---, расположенного ...

Весной, по вскрытию водоемов от льда, утки отправились плавать на водоем, а куры по дружбе увязались за ними и, не умея плавать, утонули».

От умница, тот Беляевский участковый! А шо делать? Голь на выдумку легка.

Но вернемся к коври.

Опер направился в метеорологическое бюро Черного и Азовского морей, и обзавелся справкой о том, что в день исчезновения ковра, сила ветра составила 4 балла.

На основании справки, опер вынес отказ. Согласно установочной части которого, несчастный ковер был унесен с балкона ветром и оказался на земле, где и был подобран гражданами, и унесен ими же в никуда. А поскольку присвоение находки не есть уголовное преступление, то в возбуждении уголовного дела надлежит отказать, но (дабы не довести до юридического экстаза потерпевшего) в постановлении последнему оставлялся шанс, выраженный во фразе: «Розыск ковра продолжить!»

С этим отказом опер направился к прокурору за визой «Утверждаю», но на районного прокурора, очевидно, что-то нашло и визу он не поставил, заявив оперу, что последний (дословно) «Горбатого к стенке лепит», так как ковер из-за его тяжести при таком ветре снести не могло.

Опер поставил в справке впереди «4» единицу (получилось 14 баллов) и, обождав за углом отъезда прокурора, рванул к заму прокурора за той же визой.

Но зам.прокурора визу не поставил, заявив, что такого сильного ветра в природе не бывает.

Слетев по лестнице прокуратуры опер, отряхиваясь и удивляясь своему редкому везению оставаться в живых после посещения прокурорских, которых он понять не может, поскольку «одному мало, а другому много», поведал свою историю следователю – фармазону (сотоварищу по розыску простыней).

Ну и что. Нашли выход. Взяли новую справку с 4 баллами, но с указанием, что имели место порывы ветра, доходящие по силе до 8 баллов. А больше не указали, хотя канцелярист хорошо отобедав с опером и следователем, подписал бы все 12 баллов порывов ветра.

Прокурор, одобрительно кивая головой, поставил-таки свою визу, заявив: «Можете, когда хотите».

Наука – дело благодарное.

А злополучный персидский ковер – самолет до сих пор ищут. Думаю, что он улетел на свою историческую родину.

Но события последних месяцев в Одессе, т.е. неоднократное появление кошачно-аммиачного запаха» дают основания полагать, что ковер где-то рядом и периодически проветривается.

А это уже дает надежду к его, ковра, обнаружению.

Примечание. Юрий Моисеевич Полонский счел нужным поделиться с автором статьи применяемым в бытность Юрия Моисеевича в г.Баку способом хищения вещей, в т.ч. и ковров, вывешенных на балконах домов.

Бралась обыкновенная дворовая кошка (кот), к которому за туловище привязывалась бечевка.

Ночью злодеи путем раскручивания кошки (предмета преступления) за хвост, придавали ей ускорение и направляли в сторону ковра (объекта преступления). Долетев до ковра, предмет преступления цепко хватался когтями за объект преступления (подобно высадке американских астронавтов на Луне), а злодей рывком возвращал кошку вместе с ковром на грешную землю. И ковра, как и не было.

Я же говорю: «Голь на выдумку ловка!»

Адвокат

Корнеев М.А.